

Павел КРЕНЁВ

г. Москва

БОЛЬШОЙ КАБАН

рассказ-быль

Он стоял на излюбленном пригорке возле выворотка громадной лиственницы и со стороны напоминал чугунное изваяние гигантского фантастического вепря. Это было его место. Здесь, на маленьком лесном возвышении, прошли его детские дни и месяцы, тут он рос вместе с остальным кабаньим выводком и в солнечные летние дни на просохшей земле резвился, играл с другими поросятами, жадно принимал к сосцам матери-свины, а потом под её руководством делал набеги на расположенные невдалеке огороды и поля, где росли сладкие плоды картофеля, репы и редьки. Тут он вырос и постепенно превращался в матёрого и сурового в повадках секача, беспощадного к самцам своего и чужих выводков.

Уже множество его детей, выросших и растущих в различных выводках, носят его родительскую кровь и при случайных встречах с ним на лесных просторах чувствуют эту родственную близость, улавливают в страшном для них месиве чудовищных и опасных для них запахов приметы давно вызревшего самца, способного убить любого из них в одно мгновение, тянутся к нему, повинаясь зову родной крови, но Большой Кабан не признаёт никого и гонит от себя всех, потому что друзей рассматривает как посягательство на свою власть, которую не желает делить ни с кем.

У него нет в этих местах врагов, потому что всех их он или убил, или подчинил себе. Казалось бы, о чём же ему беспокоиться? Его окружал один лишь лес, как всегда молчаливый и задумчивый, и его не смели тревожить посторонние звуки.

Но всё же сегодня с раннего утра что-то взволновало не молодого уже и опытного, повидавшего всякое вепря.

Может быть, тому причиной была его мать, старая кабаниха, покинувшая лесной мир ещё в прошлом году и вдруг пришедшая к нему сегодняшней ночью и предупредившая: эти проклятые люди готовят опять какие-то козни против него и всего кабаньего стада. А может, волнения идут от негромких человеческих голосов, с раннего утра появившихся и никак не стихающих с той опасной стороны, откуда обычно приходят люди...

* * *

Бывалый охотник Евгений Архипович Чубкин встретил это утро, сидя на давно привычной маленькой зелёной скамеечке, установленной для него в диком лесу, около ствола старой толстой сосны, и вслушиваясь в окружающую природу. Он всегда сам выставлял «номера» в местах, которые полагал важнейшими на сегодняшний день. В этом заключалась главная его тайна как постоянного охотничьего руководителя, как организатора всех охотничьих выездов в эти богатые дичью уголья: угадать, где пойдут лось или кабан, верно расставить людей, чтобы надёжные, меткие стрелки оказались на наиболее вероятных местах появления зверя. Это целое искусство, и Евгений Архипович за годы руководства охотхозяйством научился владеть им безукоризненно.

В лесу царствовал месяц март, в самом его начале. Как обычно, в этот рассветный час после очередного золотого денька конца зимы, когда ещё не разогретое, но уже вполне яркое солнышко дарит соснам первое тепло, отчего иголки оттаивают и на них появляются дрожащие на ветру капельки прозрачной влаги. На лес в конце ночи упал утренник — крепкий морозец — и украсил деревья тонкими ледяными хрусталиками. От этого весь окружающий бор словно бы оделся в бело-зелёные шубки, прошитые россыпью изумрудов вперемежку с белыми жемчугами.

Первые солнечные лучи ещё не поднимаясь над горизонтом солнца падают на лес сбоку и оттого не могут проникнуть сквозь толщу сосновых крон. Деревья, сгрудившиеся друг за другом, создают плотную тень, которую вряд ли бы смог пробить любой прожектор. Светило придёт сюда, когда приподнимется над лесом, а потом медленно поплывёт над лесными верхушками и будет висеть над сосновой чащей совсем ещё немного. Хоть и начало первого весеннего месяца, но здесь всё же север и дни пока что короткие: далеко ещё до прихода тепла.

Евгений Архипович всегда страстно любил любой лес — хоть летний, хоть зимний. Тем более он охотник с молодых лет. И страсть эту

пронёс через всю далеко не маленькую жизнь. И, так уж получилось, почти всё его окружение, познакомившись с ним, тоже начинало увлекаться природой и охотой.

Был он в городе большим начальником — руководителем крупного строительного треста — и занимался делом, которое всей душой любил сизмальства, со студенческих лет: всю жизнь чего-то строил. И не жалел для любимого занятия ни сил, ни времени, ни здоровья. В такой работе, где всё на износ, в том числе и его здоровье, он однажды ночью присел дома на стульчик и впал в забытье — свалился со стула. Когда жена его, Лидия Семёновна, добрейшая душа, до смерти перепуганная этим случаем, привела его в чувство, Чубкин очнулся и, посидев на кровати с поникшей головой минут двадцать, понял: больше не может так работать, надо отдыхать. Иначе скоро помрёт...

Толковые врачи подсказали ему: срочно нужен передых, надо менять режим. И тут судьба, всегда благосклонная к нему, вывела Евгения Архиповича на совершенно другие условия работы. Именно в тот сложный и довольно безысходный период сошлись его душевные интересы с городским охотничьим обществом. Так получилось: закадычные банкетные кореша из городского руководства, с которыми он изредка встречался, можно сказать случайно, не спросив его, записали Евгения Архиповича в члены этого общества. Чубкин выехал с новыми товарищами на природу раз-другой, осмотрелся там. И разглядел: на природе всё очень даже неплохо — и воздух другой, и рюмочка водочки там всегда кстати, и — чего там говорить! — такие русские пейзажи, о красоте которых он забыл и думать. Охотники его крепко взяли в оборот, а председатель городского общества, узнав о появлении в их рядах столь высокого участника и поняв, какие выгоды это может сулить, осыпал его всеми возможными милостями и сделал самым дорогим гостем и участником наиболее сокровенных «выездов на природу», а, говоря более конкретно, пьянок с участием высоких гостей городского, а то и областного уровня. За теял с ним теплейшую дружбу.

Само собой, в охотхозяйстве в результате укрепления отношений с региональной строительной верхушкой, а точнее говоря, свалив-

шегоса в результате этого с небес на городское охотничье хозяйство форменного счастья, произошли некоторые благоприятные перемены: выстроилась красивая баня, нашлись деньги на ремонт основного корпуса, облагородилась территория, покрасились всевозможные заборы.

Зато и Евгений Архипович обрёл наконец спокойствие и тихое счастье: в потаённом местечке, спрятанном в зарослях густого орешника, сросшегося с ёлками и рябинами, в дальнем уголке свежеотремонтированного корпуса охотничьей базы ему построили уютный домик с банькой, с душем, с комнатой отдыха — всё, как у уважаемых в городе людей. В домик этот, естественно, кроме самого Чубкина да двух-трёх человек из высшего областного общества, никого не пускали.

А кто бы стал перечить, говорить что-нибудь супротив? На этой базе, в этих заповедных местах именно он хозяин — слишком изрядные суммы перетекли сюда от подчинённой ему организации, чтобы отдать их за здорово живёшь каким-то другим господам. Да никто и не сунется. Каждая собака знает: здесь хозяйство Чубкина, или, как теперь говорят, «самого Евгения Архиповича».

Да, всё складывалось как будто неплохо, даже, можно сказать, хорошо. Однако управляющий строительным трестом Чубкин, а теперь начальник лучшего в области охотничьего хозяйства за долгую жизнь понял: нельзя останавливаться на достигнутом. Только чуть притормозил, только прекратил движение вперёд, как глядишь — тебя уже обходят слева, потом справа... Самоуспокаиваться опасно, иначе закиснешь, или, как говорит молодёжь, «уйдёшь в отстой». Евгений Архипович ведь не глухой и слышит: в городе то там, то сям раздаются разговоры, мол, «устал Архипыч, темпы сбросил, реакция уже не та». И видит, как кое-кто из молодых заместителей уже приноравливается, как бы подставить шефу подножку на каком-нибудь служебном вираже. Хотя сам он их вырастил, вскормил, так сказать, с ладоней. Да кто об этом помнит, когда речь идёт о карьерном рывке? Ведь он и сам-то, чего уж там говорить, далеко не пренебрегал разными такими приёмами, шагая по карьерной лестнице.

Чубкин понимал сейчас: надо сделать шаг,

который заставит всех заткнуть рты, покажет — он ещё на многое способен.

Надо сделать рывок вперёд! Необходим эффектный ход!

Сегодня он привёз на охотбазу группу отборных, многократно проверенных в делах, «злых», как их называют, охотников. Людей, которые давно доказали: не могут, не должны подвести, показали себя как в сноровке, так и в стрельбе. Никакой зверь не сможет проскочить мимо. Ему хотелось, чтобы состоялась серьёзная охота, может быть, самая серьёзная в его жизни, из которой он должен выйти победителем. Надо, чтобы люди сами восхищенно осознали: Чубкин вне конкуренции, Чубкин — суперстар! И тогда он сможет спокойно сидеть в уютном домике ещё как минимум года два-три!

У него верный глаз и твёрдая рука, и только он легко собьёт влёт любую дичь, завалит на полном ходу и лося, и вепря! И даст фору любому, кто в этом усомнится. В его тщательно хранимых от посторонних глаз, запутанных можжевельново-ореховых-еловых крепях прячется огромный кабан, которого видали уже многие, — гроза этих мест, которого обходят стороной даже волки. Люди за огромные размеры именуют его Большим Кабаном.

Совсем не зря Евгений Архипович долго и последовательно, незаметно для других выращивал в своих угодьях Большого Кабана, и теперь, когда тот стал легендой этих мест, пришла пора сделать из него красивый трофей, способный украсить и увенчать охотничью славу Евгения Архиповича.

* * *

Чубкин с годами стал страсть как не любить выходить из дома в такую рань, да ещё в лес, где всегда неуютно и холодно. С годами эти ощущения сгущаются в теле, накапливаются, и человека старого, пусть даже азартного некогда охотника, не выгонишь из дома в лес, в сырость или в холод. Евгению Архиповичу уже минуло шестьдесят, и теперь, когда за окном хлестало ненастье, он по вечерам на даче любил посиживать перед телевизором с чайком с Лидией Семёновой, а когда выходил в прохладу на крылечко, кутался в мохеровый плед и, поглядывая на пада-

ющие со стрехи дождевые капли, ёжился и не очень-то охотно вспоминал, как они с командой рьяных тридцати-сорокалетних добытчиков тропили и добывали лосей, кабанов, зайцев, как стреляли по вёснам и осеням в любую погоду уток и гусей на перелётах, как им было интересно и весело. Теперь эти воспоминания вызывали лишь зябкую дрожь и оторопь: что ими двигало тогда, молодыми балбесами?.. Припоминая это, Евгений Архипович, как правило, вздрагивал и прятал шею в воротник. Ему становилось неуютно, где бы он ни находился, и по спине, словно клопы, ползали холодные мурашки.

Чубкин с неохотой осознавал неизбежность появления такого рода воспоминаний и ощущений: к нему подкрадывается старость. Эта проклятая старуха приходит ко всем, теперь решила заглянуть и к нему.

В общем-то, он примет её, эту старую каргу, всё равно ведь заявится. Другое дело, почему именно сейчас? Ей что, так приспичило погасить его свежий дух, его бодрость, внутренний заряд? У него ещё много в жизни задач, требующих энергии и затраты немалых сил. Он не готов состариться и потерять вкус к жизни.

Уже два года он ждёт встречи на охотничьей тропе со ставшим легендой огромным секачом, обитающим в этих местах, который живёт здесь один, в тихой глуши среди зарослей орешника, тёмных, густых ельников, которого люди, даже не выдавшие его, именуют вполголоса, закатывая при этом глаза.

Так уж получилось, места обитания Большого Кабана почти совпали с его, Евгения Архиповича, местом работы. Зверюга проживает на куске леса, где расположена центральная база охотничьего хозяйства, находящегося в его подчинении.

За два года нахождения по соседству с Большим Кабаном Чубкин много раз видал его, можно сказать, привык к нему, начал понимать его звериную сущность, воспринимать повадки, даже предугадывать его дальнейшие шаги. Большой Кабан поселился где-то поблизости и живёт рядом с ним. Стал он иногда приходить к Чубкину в сновидениях по ночам, при этом вид его был совсем не дружественный, а очень даже грозный: зверюга выскакивал перед ним из леса, тарасил на него маленькие красные глазки,

угрюмо водил кабаньим рылом и, опираясь на сильные передние лапы, страшно хрюкал, выбрасывая пузыри со слюной, и всё подпрыгивал, как бы наступая.

— Ну, едри тебя, — размышлял в такие минуты Евгений Архипович, — придётся, видать, повоевать с тобой, секачара...

* * *

Загон ещё не начался. Сидя на зелёной скамейке, Чубкин внимал лесу. Не было слышно ни шума, ни криков, издаваемых загонщиками, не голосили они, не стучали палками о стволы деревьев. Не звучали и их песни, хотя обычно частенько кто-нибудь из них, слишком музыкальный, орал во всю Ивановскую ту же «Катюшу» или «Вот кто-то с горочки спустился», или «Раскинулось море широко». Это для азарта и для того, чтобы придать смысл долгому, беспечному хождению по бескрайним лесам, ведь им, загонщикам, часто приходится шлёпать по лесам в полном неведении, куда они движутся, где начало и конец их движения. Для них существует одно только заданное им егерем направление, которого надо придерживаться и не уходить в сторону. Сбиться с курса, заблудиться, увести людей не в ту сторону означает потерять время, не только своё, но и всей приехавшей охотничьей команды, и, как результат, потерять уважение коллектива. А это страшнее всего! Это грозит тем, что тебя больше не возьмут на коллективную охоту. Будешь ты сидеть по выходным у телевизора в надоевшей городской квартирке и глазеть вместе с вечно чем-то недовольной дородной супругой какую-то белиберду. Вместо того, чтобы с боевыми товарищами восторженно вдыхать лесные ароматы, тропить и гонять по лесам дикое зверьё, наслаждаться вольным воздухом свободы и в моменты охотничьей удачи выпивать на морозце чарочку-другую «на крови».

В работе загонщиков существуют даже и реальные опасности. Они должны всё время в моменты движения создавать шум, например, стучать палками о стволы деревьев. И это не только для того, чтобы выгонять из лесных крепей спрятавшихся зверей, но и затем, чтобы обозначать притаившимся «номерам» своё

местонахождение: уже бывало много случаев, когда тихо идущих загонщиков принимали за крадущихся лосей или кабанов и открывали по ним огонь. Бывало всякое...

Чубкин одинаково хорошо разбирался в повадках и хитрости стронутого с лёжки зверя. Он знал: нельзя пускать загон строго по ветру, дующему на стрелков сзади. Взрослые лось и кабан не выдерживают постоянного присутствия этого запаха и, несмотря на подгоняемые за спинами крики охотников, уходят куда-нибудь в сторону, стремятся выйти из загона. Потом их трудно будет найти и вновь организовать охоту, снова выстроить линию стрелков и линию загонщиков. Вообще, выбор направления движения при разных ветрах самый основной в облавной охоте. Далеко не все, даже, казалось бы, опытные зверобои, понимают зверя и почти всегда остаются с носом, а не с добытым мясом.

Евгений Архипович Чубкин, наоборот, практически всегда был с добычей, и люди, которых он приглашал составить ему компанию, без добрых кусков кабанятины или лосятины с охоты никогда домой не возвращались. Надо было только понять или, говоря точнее, предугадать, куда, в какую сторону направится клыкастый зверь. Чубкин никогда не ошибался, разгадывая звериные хитрости. Охотники очень это ценили и стремились попасть именно к нему. И охотничье хозяйство под его руководством процветало. Чего тут скажешь: жила рядом с ним эта красивая женщина по имени Охотничья Удача, и он любил её, а она — его, и пребывали они в гармонии.

* * *

Секача, обитавшего в хозяйстве Чубкина, все боялись. Люди, в том числе и сам Евгений Архипович, поражались его размерам: ростом с полугодовалого телёнка, только раза в два толще. Центнера на два с половиной потянет — так определяли приблизительный вес секача те, кто его видал. Вид ужасающий, что там говорить. Но всё это: и невероятные размеры, и реальные килограммы — как ни странно, совсем не пугали Чубкина, а наоборот, вдохновляли на подвиг. Во что бы то ни стало он решил добыть невероятного вепришу, а затем фотографию их

совместную — его самого и убитого им секача-рекордсмена — опубликовать в заметной прессе. Сам себе Евгений Архипович задавал при этом такой вопрос: у кого поднимется рука после этого ставить вопрос об увольнении его с занимаемой должности? Совершенно очевидно: общественность будет просто требовать оставить его на работе как ответственного человека, абсолютно ей соответствующего.

Очень кстати пришёлся случай, происшедший в их охотничьих угодьях как раз в это время.

Той осенью Большой Кабан до смерти напугал двух деревенских тётушек, собиравших грибы в тех местах. Пенсионерки Таисия Митрофановна и Клавдия Михайловна, весьма охочие до чёрных груздей, с раннего утра ушаркали в Кренёвщину, любимое их место, где обильно всегда водились сыроежки да лубяницы, да всяки-разны солоняки, включая и этих самых груздей.

Старушки эти потом в деревне рассказывали: «Берём мы, берём грибочки-то, и тамогде прям нам навстречу — о! — вышел батюшко кабанишшо етот. Здоровушкой, страхи Божьи! Вышел на дорожку змей, стоит-постаиват, не уходит, только хрюкат, да вот и всё. А как хрюкнет, так ажно подпрыгиват. Глазишша на нас вытарашшил... А нам куды девачче? Некуды! Мы и прыснули оттуль...»

— А он чево? — поинтересовался Чубкин.

— А откуль мы знам? Нам бы одно дело справиться — утикать бы только скорее, да вот и всё!

Евгений Архипович из того, рядового, в общем, случая раздул ситуацию так: Большой Кабан перешёл к террору населения, и теперь срочно необходимо его отстрелять. В областном охотхозяйстве никто не стал возражать, и ему выдали лицензию, в которой было прописано право «Добыть одного кабана».

* * *

Секач уходит от загонщиков, как боевой танк. На ходу для него нет никаких препятствий. С одинаковой резвой скоростью на коротких, но мощных ногах он передвигается и под снегом, и по сугробам, и по мёрзлой земле. Он крепок на рану: чиркающие по телу, рвущие толстую, грубую шкуру пулевые и картечные попадания его совсем не останавлива-

ют. Секача завалит лишь прямое попадание в грудь, в голову или грудную клетку.

Он ходит отдельно от стада: его к молодняку не подпускает свинья — матка. Семец, хоть и отец молодняка, но природой так отпущено, что, не будь рядом матери-свиньи, секач за милую душу сожрёт всех детей, когда сильно проголодается. Такие у них свинячьи порядки.

Друзей среди других кабанов у свиного самца также не бывает, поэтому он вынужден всю жизнь пребывать в одиночестве.

Жил Большой Кабан в дальнем углу чубкинского охотхозяйства и, словно чуткий сосед, старался ничем не донимать Евгения Архиповича, а тот и сам стремился держаться подальше от громадного кабанищи. И людей от него умышленно отводил. Но всякий раз в моменты организации охот в душе его почему-то постоянно возникала такая вот мысль: им всё равно суждено когда-нибудь встретиться на узкой охотничьей дорожке. Но, инструктируя загонщиков, он всякий раз посылал их туда, где они гарантированно не могли бы пересечься с Большим Кабаном.

Чубкин подспудно берёт его для себя.

Но у людей бывает всё наперекосяк, вечно они что-нибудь придумают, противоположное реальному положению дел. Кому-то в голову пришла мысль: Чубкин побаивается громадного кабаняру и поэтому не организовывает на него охоту. И слухи такие потихонечку поползли по городу. Евгения Архиповича это возмутило до глубины души. Высказал он возмущение родному человеку, жёнушке любимой Лидии Семёновне, и та сказала так:

— А ты бы порешил его, Женюшка. Чего зверюга этот народ донимает? Люди бояться стали в лес выходить. Разве нормально это при живом-то хозяине?

— Ты кого это имеешь в виду?

— Тебя, конечно, кого ж ещё. Пока ты вопрос не решишь, всё так и останется

Сказала так спокойно, рассудительно, как о само собой разумеющемся. И до Евгения Архиповича дошла серьёзность ситуации: людям давно надоел этот здоровенный кабан. Пугает он людей, народ стал своих лесов бояться.

И примерно месяц назад начал потихоньку готовить решающую охоту.

* * *

Опять он пригласил лучших проверенных стрелков. Так и объяснил всем: сплеховать никак нельзя, может быть, придётся на этот раз встретиться с самим Большим Кабаном... Люди отнеслись к сообщению с большой серьёзностью, как-то подтянулись все, сосредоточились. Вопреки укоренившемуся правилу, народ, приехав на базу, дружно отказался от обычных «наркомовских» стаграмм. Коллектив решил: момент ответственный, нельзя быть «выпимши». Сидели охотники за большим общим столом, ели консервы, молча пили чай и тихо разговаривали. Потом Чубкин дал команду спать, и все разошлись по койкам.

А Евгений Архипович пошёл на улицу, чтобы послушать лес.

В ночном мартовском лесу тихо-тихо позванивали ёлочные и сосновые иголки, прихваченные лёгким морозцем начала северной весны. В чёрном небе горели тоненькие яркие звёздочки. Окружающий охотничью базу лес пошумливал хвоей, посвистывал тонкими веточками голых берёз. В соседней, не очень далёкой деревне всё лаяли и лаяли две собаки, наверное, выясняющие собачьи отношения.

Всё было как всегда.

В восемь часов утра Чубкин отправил загонщиков, пятерых человек, к месту начала загона. Они уехали на колхозных саних на доброй лошадке по имени Вёсенка, которую уже знали, а она знала их и была доброй и послушной. Евгений Архипович давно приноровился использовать колхозных лошадок для своих перевозок. Дело в том, что дикий зверь не боится шума, идущего от лошадей, и можно ездить на них не опасаясь: кабаны или лоси не испугаются и не уйдут. Только не следовало громко разговаривать и тем более кричать.

На этот раз он направил загон через те места, где, как он полагал, живёт лесной монстр по имени Большой Кабан. Там, где он благодаря ему, Чубкину, отсиживался в безопасности несколько лет. Теперь раздольная жизнь для секача закончилась...

Он сам поднял охотников и расставил их по «номерам».

Евгений Архипович всё заранее продумал. Ветер, как и ожидалось, будет задувать в спины загонщиков. Он решил: Большой Кабан не пойдёт по ветру, а свернёт влево и уйдёт вбок, в лес. Почему именно влево? Потому что справа простирается голое место — пространное редколесье, туда кабану идти не резон. Слева тоже редколесье, но оно скоро заканчивается густым ельником. Зверь неминуемо пойдёт туда, чтобы спрятаться от подступающих людей, — так решил Евгений Архипович. Сам он отыскал место на входе в ельник за не очень густым деревом, чтобы сквозь хвойные лапы просматривалось пространство перед лесом. Оттуда должен пойти кабан! Если, конечно, он правильно всё рассчитал.

Чубкин знал: рассчитал всё правильно. За годы организации охот он неплохо изучил кабаньи повадки.

Евгению Архиповичу не хотелось бы, чтобы кто-либо из охотников присутствовал во время его поединка с Большим Кабаном. Ему лучше убить его одному. И вся слава от этого должна достаться тоже только ему. И это будет справедливо.

Наконец, из того конца леса, откуда должен был начаться загон, донеслось первое, протяжное:

— У-у-у-у!

Его там же подхватили:

— О-го-го-о! Ах-ах-аа-ах! Эй ты-ы, выходи-и!

Начался загон!

* * *

С первыми криками Большой Кабан поднял голову и прислушался. Такого человеческого шума здесь никогда не было. Что же будут делать люди дальше? Если шум продолжит исходить из одного места, то ничего страшного в этом нет, так полагают все звери. Если он станет приближаться, то надо срочно уходить — значит, эти проклятые двуногие замыслили плохое.

Через несколько мгновений секач осознал: человеческие голоса приближаются. Он вскочил на ноги и поскакал прочь.

Вскоре остановился и прислушался. По опыту, полученному от предков, он твёрдо знал: нельзя идти путём, указанным человеком. Если идёшь по тропе, навязанной людьми, тропа эта приведёт тебя к смерти, потому что впереди обязательно будут ждать люди, в руках которых железные палки, из которых вырывается грохот и огонь, убивающие кабанов. Когда звучат несколько голосов, и они тем более передвигаются, значит, надо скорее уходить в сторону, прятаться.

И Большой Кабан не пошёл туда, куда, казалось бы, следовало бежать, а резко свернул влево, в сторону, через редколесье, сквозь сосновый сухостой. За голыми, обшарпанными ветрами стволами чернел тёмный ельник — любимое место кабаньего схрона. Там, за густыми еловыми лапыньями, в непроглядном их сумраке трудно будет разглядеть зверя, зарывшегося в глубоком снегу.

Настораживающих запахов не было. Слабый ветер, доносящийся сбоку, не приносил какой-либо опасности, и можно было уходить вперёд, не особо беспокоясь о неожиданной встрече с главным врагом — человеком. Но Большой Кабан с годами стал крайне осторожен: впереди стоял лес, тёмный и густой, в нём можно повстречать всякое. И не было возможности обойти этот огромный лес.

Он шагнул к нему, опасному, но всё же спасительному, и уже полагал: тревоги все миновали, всё плохое позади, — как почувствовал запах человека. Резкий, страшный, ненавистный — его принесло лёгкое дуновение сыроватого воздуха, пришедшее откуда-то спереди. Это был кислый, удушливый смрад, смесь человеческого пота, потрёпанной старой одежды, истёртых каблуков и человеческих экскрементов.

Большой Кабан замер: откуда он появился, этот очень опасный, но такой знакомый запах? Как он мог так близко подойти к нему? И глянул вперёд.

Прямо на его пути высилась ель с полуопавшими иголками, старая, когда-то густая. В просветах между ветвями виднелось тело человека, лихорадочно натягивающего штаны.

В этот самый момент оттуда раздался тот самый оглушительный, пугающий и убивающий

лесное зверьё резкий хлопок, который всегда испускало только одно беспощадное и лютое существо — человек. И сразу же — резкая боль пронзила правый бок секача. Выломав два ребра, вдоль его тела прошла охотничья пуля, выпущенная Чубкиным.

Снова, как и во все минувшие века, проклятый человек издевается над ним, гордым кабаном, повелителем этих лесов, а значит, и над всем кабаньим родом, тысячелетия жившим здесь, над его извечной и славной памятью, его обычаями и судьбой. Надо убрать с дороги этого мерзкого человека, отшвырнуть и разорвать!

И Большой Кабан рванулся вперёд на обидчика.

* * *

Надо же было такому случиться! В тот самый момент, когда пошли вперёд загонщики, подгоняемые собственными криками, когда надо было включаться в реальную охоту, у Чубкина случился сильнейший позыв: нужно было срочно справить большую нужду. Он осознал глупость положения — какая нужда, когда кабан вот-вот придёт! Стоя, он попереминался с ноги на ногу, покрутил поясницей, потом телом вокруг поясницы... Нет, позыв не проходил, только усилился.

«Чего делать-то? Так ведь можно и в штаны наложить...» — тоскливо предполагал Евгений и понимал: эта вероятность вполне реально осуществима при таких раскладах.

Терпение заканчивалось, сил больше не оставалось. Чубкин постоял со скрещёнными ногами, сколько мог постоял, пока хватило сил. Потом махнул рукой — была не была! — и быстренько стащил ватные штаны, старательно сшитые ему разлюбезной Лидией Семёновной. Присел и облегчённо вздохнул — любил он посиживать за этим добрым делом. Однако долго так рассиживать не довелось на этот раз: к нему, рассерженно хрюкая и раскрыв страшную пасть, мчался огромный кабан.

«Тот самый», — только и успел подумать Евгений Архипович и в следующую же секунду выстрелил из положения «полусидя». Пуля, видно, попала кабану в правый бок, секач

слегка дёрнулся и продолжил движение в сторону охотника.

— Эх ты, промазал! — сокрушённо ругнулся Чубкин, но продолжил стрелять по Большому Кабану из двенадцатикалиберного бельгийского браунинга. У него оставалось четыре патрона, оснащённых прекрасными, точными свинцовыми пулями марки «Бреннеке».

Выстрел, ещё выстрел. Кабан всё бежал к нему и бежал.

«Он что, заговорённый?» — Евгений Архипович серьёзно стал нервничать. Такого ещё не было, чтобы три промаха подряд.

Зверь был совсем уже рядом. «Бах, бах...» — дал последний дуэлет Чубкин и отбросил в сторону ружьё — оно стало теперь бесполезным.

Опытный охотник, он и не думал сдаваться. У него под тёплой военной телогрейкой на ремне висело ещё одно боевое оружие — пистолет ПМ с восемью патронами калибра девять миллиметров. Это был подарок начальника штаба Ленинградского военного округа, с которым у Чубкина сложились давние дружеские отношения.

Он убегал от Большого Кабана, а тот старался его догнать и растерзать, и разорвать в клочья.

Бежать Евгению Архиповичу было ох как тяжело: во-первых, страшное волнение, во-вторых, возраст, в-третьих, тяжёлая зимняя одежда. Он убегал от секача, вытянув назад руку с пистолетом, и всё стрелял в него и стрелял. Из последних сил он сделал ещё пару шагов и упал. Последнее, что увидел он, было огромное оскаленное окровавленное кабанье рыло, склонившееся над ним. И он выстрелил в это рыло в упор и потерял сознание.

Прибравшие товарищи увидели расчудесную картину: лежит на снегу, раскинув руки, доблестный их охотничий начальник, обессиленный, но зато живой и здоровый. К его груди, словно родной сыночек, прильнул огромный секач. Как бы прилёг на минутку и отдыхает...

Охотники какое-то время не оттаскивали Большого Кабана от Евгения Архиповича, а всё стояли вокруг и хохотали. И фотографировали эту милую сценку.

Евгений Архипович, когда окончательно пришёл в себя, тоже смеялся вместе со всеми.

* * *

На стене в прихожей его ленинградской квартиры долго висело чучело головы кабана несуразно больших размеров. Всем гостям оно поначалу даже нравилось.

— Ой, — восторгались все, — как интересно! Какой очаровательный кабанчик!

Но, заметил Евгений Архипович, гости старались как-то слишком осторожно, как-то бочком-бочком проходить мимо этого чучела. Даже старались на него не смотреть. Не мог он понять, в чём тут дело, пока однажды не пригласился к нему сам.

И понял он: это ужасная зверюга, настоящий монстр! Глаза налиты кровью, пасть оскалена и между клыков свисает и болтается длинный язык.

Жена просила куда-нибудь сплавить «зверюгу», как она его называла, а Чубкин медлил и почему-то не выбрасывал чучело. Решили вопрос внуки. Жившие с родителями на других квартирах, они отказались навещать деда с бабой, потому что по ночам приходилось им на пути в туалет проходить мимо того чудища. А это для них было страшно. Такого Евгений Архипович вынести не мог: он слишком любил внучат.

Слава Богу, в ножки Евгению Архиповичу упал московский знакомый, который начал Чубкина уговаривать отдать чучело ему «за сильное вознаграждение». Очень ему приглянулся «роскошный страшный вепрь». О вкусах не спорят! Евгений Архипович продал Большого Кабана за две бутылки коньяку, и товарищ увёз его в Москву. Пусть теперь он москвичей радует своим свиным рылом.

А в Питере мы по такому случаю устроили маленький банкет. Распили коньячок, похотали над различными случаями на охотах.

И я там был, мёд-пиво пил. И по усам текло, и в рот попало!

□

Павел Григорьевич КРЕНЁВ (ПОЗДЕЕВ)

родился в деревне Лопшеньга на Летнем берегу Белого моря.

*Окончил Ленинградское Суворовское военное училище,
факультет журналистики Ленинградского госуниверситета,
аспирантуру Академии безопасности России.*

*Кандидат юридических наук,
член Союза писателей России.*

*Долгое время состоял на военной
и государственной службе России на высших должностях,
являлся сотрудником Администрации Президента РФ,
был полномочным представителем Президента России
в Архангельской области.*

Лауреат всероссийских литературных премий.

